

Н.Л. Геккер

**К характеристике
физического типа якутов**

Антропологический очерк

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Н11

Н11 **Н.Л. Геккер**
К характеристике физического типа якутов: Антропологический очерк / Н.Л. Геккер – М.: Книга по Требованию, 2021. – 106 с.

ISBN 978-5-458-14126-0

Записки Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского Географического Общества по этнографии. Том III, выпуск 1-й. Под редакцией председателя дел Я. П. Прейна и члена Отдела Д. П. Першина.

ISBN 978-5-458-14126-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

„Такимъ образомъ, продолжаетъ Топинаръ, дѣйствительное существованіе особенной группы, означаемой тюркской и относящейся къ туранской вѣтви монгольской расы, могутъ считаться несомнѣннымъ. Но сохранились-ли ея остатки и каковы ея типическія черты? Чуваши говорятъ на одномъ изъ татарскихъ нарѣчій, но въ физическомъ отношеніи они должны быть отнесены къ финнамъ. *Якуты положительно сродны тунусамъ*; туркмены, узбеки и киргизы также сходны съ монголами во многихъ отношеніяхъ.... Въ результатъ оказывается, что первичный тюркскій типъ *долженъ былъ существовать*, но только въ настоящее время его *невозможно опредѣлить; вѣроятно, онъ приближался къ монгольскому*“. (Топинаръ, Антрополог. стран. 457).

Такова, по Топинару, скудная совокупность свѣдѣній, изъ которыхъ мы можемъ заключить, что якуты по языку относятся къ тюрко-татарской группѣ урало-алтайской семьи народовъ, по физическимъ-же свойствамъ родственны племенамъ монгольской расы.

Если мы обратимся къ тѣмъ даннымъ о якутахъ, которыя собраны различными путешественниками и учеными, начиная съ Гмелина (1733—1744 г.) и до Сарычева, Щукина ¹⁾ и Миддендорфа — включительно, то всё онѣ исчерпываются вѣчными мало значащими въ антропологическомъ отношеніи описаніями наружности якутовъ, самое же существенное изъ того, чѣмъ мы можемъ воспользоваться, приведено въ нѣсколькихъ мѣстахъ труда академ. Л. Шренка „Объ инородцахъ Амурскаго края“, т. 1, С.-Петербургъ, 1883 года.

Во 2-й „антропо-этнологической“, части своего труда онъ устанавливаетъ принципы классификаціи племенъ и отдаетъ предпочтеніе языку передъ физическими признаками, какъ менѣе устойчивыми, называя языкъ *ultimum moriens* народа. Наиболѣе яркой иллюстраціей своей мысли онъ считаетъ примѣръ якутовъ и киргизовъ, утратившихъ свои первобытныя физическія особенности и

¹⁾ Щукинъ. Поездка въ Якутскъ.

все-же сохранившихъ тюрко-татарскій языкъ. По его мнѣнію, турки имѣли отличное отъ монголовъ строеніе лица и скелета и получили это сходство съ ними послѣ долгаго смѣшенія съ ними, при чемъ, однако, сохранили свой природный языкъ“. „Вотъ такимъ образомъ, я полагаю,—говоритъ акад. Шренкъ,—можно объяснить себѣ тотъ фактъ, что нѣкоторые народы, по языку тюрко-татарскіе, каковы якуты и киргизы, имѣютъ монгольское строеніе лица. Дѣйствительно, якуты, до пришествія своего въ долину Лены, жили около озера Байкала, въ непосредственномъ сосѣдствѣ и тѣсныхъ сношеніяхъ съ монгольскими племенами, а именно съ бурятами, подъ давленіемъ которыхъ и были вынуждены подвинуться на сѣверъ. Но въ новомъ отечествѣ своемъ они столкнулись съ другимъ племенемъ, родственномъ монголамъ и имѣющимъ подобныя-же черты лица (тунгусами). Частыя смѣшенія съ ними послужили новымъ источникомъ физическаго омонголенія якутовъ (ссылки на Миддендорфа)¹⁾. Что и въ языкѣ якутовъ осталось не мало слѣдovъ близкихъ и постоянныхъ соприкосновеній ихъ съ монголами, это было подробно доказано Ветлингомъ“ (ссылка стр. 211 на сочин. O. Böhlingk, Ueber die Sprache der Jakuten).

Выселеніе якутовъ съ береговъ Байкала цитируемый авторъ относитъ къ тому времени, когда въ верховьяхъ Амура началось движеніе и переселеніе племенъ—сначала подъ вліяніемъ воинственныхъ ордъ маньджуровъ (подъ именемъ Гиней завоевавшихъ Китай), впоследствии подъ натискомъ монголовъ Чингис-хана и его преемниковъ. „Монголо-буряты вторглись въ страну на верховьяхъ Амура и, подвигаясь на западъ, къ Байкалу, наткнулись тамъ на первобытныхъ прибрежныхъ жителей этого озера, на татарское племя якутовъ. Послѣдніе, отступая передъ пришельцами, спустились въ долину Лены и стали распространяться по ней къ сѣверу“ (стр. 95). „По свидѣтельству Гмелина (Reise durch Sibirien von dem

¹⁾ Къ характеристикамъ Миддендорфа, какъ увидимъ, большею частью ошибочнымъ, мы еще вернемся не разъ въ дальѣйшемъ.

Jahre 1733 bis 1743) еще въ его время между якутами ходило древнее преданіе о гнетѣ, который они терпѣли отъ бурятовъ и влѣдствіе котораго были принуждены переселиться въ Ленскую долину“ (примѣчаніе на той-же стр.). Оставляя на отвѣтственности автора его утвержденіе, будто до прихода бурятъ къ Байкалу якуты были „первобытными прибрежными жителями этого озера“, мы ограничимся здѣсь однимъ общимъ указаніемъ на то, что всѣ новѣйшіе писатели объ якутахъ ссылаются на это свидѣтельство Гмелина, и всѣ историческія данныя о прошломъ этого племени исчерпываются этими немногими свѣдѣніями, повторяющимися, влѣдъ за Миллеромъ, Фишеромъ и Миддендорфомъ. Что касается дальнѣйшей судьбы якутовъ, т. е. вопроса, когда и какъ покинули они свою родину, какимъ путемъ двинулись они въ поискахъ за новыми мѣстами, какія племена встрѣчали на своемъ пути,—то объ этомъ не имѣется никакихъ данныхъ, а только одни гадательныя предположенія. Исторія якутовъ начинается съ прихода русскихъ въ якутскую область, т. е. съ начала XVII вѣка, когда Енисейскіе и Мангазейскіе казаки, въ своихъ поискахъ добычи и „новыхъ земель“, вышли на Лену и почти одновременно, въ два пріема, начали покорять якутовъ и облагать ихъ ясакомъ. Въ этой исторіи для насъ интересенъ тотъ фактъ, что уже въ это время якуты жили и сосредоточивались, главнымъ образомъ, въ нынѣшнемъ якутскомъ округѣ, по Ленѣ и ея притокамъ—Алдану съ Амгой и проч. Тутъ мы пользуемся общими свѣдѣніями о якутахъ, которыя предпосылаются Маакомъ къ спеціальнымъ двумъ томамъ его сочиненія „Вилуйскій округъ Якутской области“. „Близъ устья Вилуя Бекетовскіе удалцы встрѣтились съ отрядомъ Корытова изъ Мангазейска“. Завладѣвъ лодкою первыхъ и „увеличивъ свою дружину, Корытовъ, раздѣливъ ее на двѣ части, одну отправилъ внизъ по Ленѣ къ жиганскимъ тунгусамъ, съ другою отправился самъ вверхъ по Ленѣ къ рѣкѣ Алдану до впаденія въ нее притока Амги. Берега этихъ рѣкъ *усто населены якутами*“ и

были уже разъ обложены ясакомъ первыми пришлыми казаками. Объ этомъ доносили сами казаки; но нигдѣ въ ихъ донесеніяхъ не упоминается, что они встрѣчали якутовъ по рр. Олекмѣ и Вилюю, изъ чего Маакъ заключаетъ, что переселеніе якутовъ въ эти мѣста относится ко времени болѣе позднему, т. е. послѣ завоеванія русскихъ (ч. II, стр. 7). Раздѣляя общее мнѣніе, что якуты пришли съ береговъ Байкала, двигаясь по долинкамъ Лены, Маакъ не останавливается передъ удивительнымъ и непонятнымъ обстоятельствомъ, какъ могли они пройти мимо богатыхъ кормовыхъ луговъ этой долины и мимо обильныхъ пушнымъ звѣремъ хребтовъ ея, сибѣра и торопясь куда-то и зачѣмъ-то вмѣстѣ со своимъ скотомъ, для того, чтобы осѣсть въ болѣе холодныхъ и менѣе плодородныхъ мѣстахъ якутскаго округа. Кстати, отмѣтимъ здѣсь и тотъ замѣчательный фактъ, что и сами якуты Вилюйскіе, Олекминскіе и даже Киренскіе, насколько намъ извѣстно, упорно считаютъ себя выходцами изъ нынѣшняго якутскаго округа. Это, конечно, нисколько не уясняетъ прошлаго этого племени и его антропологическаго происхожденія.

Если мы обратимся къ той части вышеупомянутаго сочиненія Маака, въ которой представлены данныя общаго этнографическаго характера, то наши свѣдѣнія объ антропологическомъ типѣ якутовъ обогатятся незначительно: всѣ эти данныя записывались имъ бѣгло и урывками въ свободное отъ специальныхъ занятій время, и самъ авторъ не признаетъ за ними основательности. Къ тому-же, онъ сначала оговаривается: „Вилюйскій округъ не представляетъ, впрочемъ, удобной мѣстности для изученія якутскаго типа, хотя можно довольно нерѣдко встрѣчать типическія лица“. (Вилюйскій округъ, ч. III, стр. 82).

„Наружный видъ вилюйскихъ якутовъ представляетъ поразительное разнообразіе, говоритъ онъ, зависящее отъ скрещиванія расы съ русскими и тунгусами и отъ семейнаго положенія, степени благосостоянія, образа жизни и занятій населенія. Попадаютъся

между якутами типа тунгусскіе, т. е. монгольскіе, и, наоборот, между тунгусами встрѣчаются типы якутскіе, т. е. тюрко-татарскіе. Нѣкоторыя лица представляютъ *совершенно монгольскій типъ*, ясно указывающей на скрещиваніе съ тунгусами (?), другія, особенно по близости русскихъ поселеній, обличаютъ частыя сношенія съ русскими“... „Чѣмъ дальше отъ Якутска и отъ Лены, тѣмъ рѣже встрѣчаются подобные типы (т. е. лица съ „отпечаткомъ кавказскаго типа“), и чаще попадаются лица или чисто якутскія, съ незначительно выдающимися скуловыми костями, или съ явной примѣсью монгольской крови. Кромѣ рѣзко выраженныхъ монгольскихъ и тюрко-татарскихъ типовъ я встрѣчалъ множество промежуточныхъ формъ. Но, во всякомъ случаѣ, сколько я могъ замѣтить, *преобладаютъ лица съ монгольскимъ типомъ*“ (стр. 82—83).

Оставляя пока безъ возраженій ошибки антропологической классификаціи, видимо, заимствованной Маакомъ у Миддендорфа, мы обращаемъ вниманіе на подчеркнутыя фразы и еще на два отрывка на той-же 83 страницѣ:

„Чистокровныхъ якутовъ я встрѣчалъ особенно много въ Сунтарскомъ улусѣ (т. е. въ глубинѣ страны) и чаще всего между старшинами и головами, вообще между зажиточнымъ и состоятельнымъ населеніемъ, которое выбираетъ себѣ женъ исключительно между дочерьми подобныхъ себѣ богачей. Этому обстоятельству я приписываю то явленіе, что между старшинами и богачами до настоящаго времени сохранился чистый якутскій типъ“ (таково-же и мнѣніе Миддендорфа). И далѣе: „Ростъ якутовъ составляетъ среднее между ростомъ русскихъ и тунгусовъ. Наиболѣе рослыхъ я встрѣчалъ опять-таки между старшинами и богачами Сунтарскаго улуса. Улусный голова имѣлъ высоту 78 дюймовъ (т. е. $44\frac{4}{7}$ вершка, или 198,15 сантиметра), впрочемъ, это былъ самый рослый изъ видѣнныхъ мною якутовъ. *Средній ростъ якутовъ, по моимъ измѣреніямъ, составляетъ 58—65 дюймовъ*“ (т. е.

33¹/₇—37¹/₇ вершка. или 147,32—165,10 стм.). Таковы наблюденія одного изъ новѣйшихъ и выдающихся изслѣдователей Якутской области (1853—1855 гг.). Обратимся къ его предшественнику, знаменитому Миддендорфу, геній котораго охватывалъ всё стороны инородческой жизни, на какія только падалъ его изумительно-проницательный взоръ, и извлекалъ существенныя черты ея, при всей сложности и многообразности работъ во время долгаго путешествія. Правда, его наблюденія устарѣли, такъ-какъ со времени его изслѣдованія прошло уже болѣе полувѣка, —періодъ времени очень значительный въ жизни инородцевъ, быстро теряющихъ свои первобытныя особенности подъ вліяніемъ пришлой культуры; правда, и у него мы не находимъ данныхъ, основанныхъ на какомъ нибудь опредѣленномъ методѣ, антропологическаго изученія якутовъ¹⁾; все это правда, но все-же онъ до сихъ поръ служить источникомъ по различнымъ отраслямъ якутовѣденія, а его наблюденія надъ физическимъ типомъ якутовъ являются и до сего времени первымъ и несомнѣнно цѣннымъ вкладомъ въ зарождающуюся антропологию якутовъ.

Область распространенія якутскаго племени, по Миддендорфу, очень велика: на югѣ она граничитъ Амуромъ²⁾ на сѣверѣ—Ледовитымъ океаномъ, на западѣ—Енисеемъ и на востокѣ Колымой.

¹⁾ Какъ извѣстно, весь его богатый антропологическій матеріалъ, а именно нѣсколько тысячъ головныхъ изобрѣній, произведенныхъ надъ живыми инородцами всего сѣвера Сибири, погибли во время крушенія судна на Таймырскомъ озерѣ — смот. стр. 619 рус. изданія „Путешествія на сѣверъ и востокъ Сибири“, часть II, отдѣлъ VI и нѣмец. изданія стр. 1395 «Sibirische Reise» Band IV, theil 2, dritte lief. Die Eingeborenen Sibiriens. Въ дальнѣйшемъ мы ссылаемся на русскій переводъ, который мы свѣряли съ подлинникомъ.

²⁾ Жалобы на вторженіе якутовъ въ область тунгусовъ—въ Удской край и на Амуръ—относится еще къ среднѣ прошлаго вѣка. Такъ, въ 1780 г. китайскіе „Бурало-Тунгусы“ жаловались на якутовъ, такъ-что въ слѣдующемъ году послѣдовало запрещеніе пускать ихъ черезъ Удъ на кочевья тунгусовъ. Еще раньше, въ 1744 г., въ Удскомъ острогѣ получались приказы развѣсать нѣкоторыхъ скрывшихся якутовъ (Мид. ст. 735). На той-же стр. онъ цитируетъ Зауера (Voyage II, ст. 225), который „говоритъ о 6000 якутахъ перешедшихъ съ Олекмы и Вилюя“. Если во всемъ этомъ есть преувеличенія, то все же несомнѣнно, что якуты всюду и всегда вытѣсняли тунгусовъ изъ своихъ стойбищъ и неустанно шли за ними въ самыя крайніе

Вопросъ о томъ, когда и какими путями произошло это разселеніе по столь обширной территоріи, остается по прежнему не выясненнымъ.

„Уже до 1700 года якуты жили на Омолоѣ¹⁾, потому-что на Ремезовской картѣ возлѣ рѣчки Омолоевои написано: „и при этихъ рѣчкахъ живутъ якуты разныхъ волостей“. Такимъ образомъ, по этому пути якуты, влѣдъ за юкагирами, простираются вплоть до Ледовитаго океана. Но это было только на крайнемъ востокѣ, гдѣ не было чукчей“. Уже въ 1710 году якуты появляются на устьѣ Колымы, а упоминаемое около 1735 года названіе рѣчки Хара-Улаха, впадающей въ Ледовитый океанъ, убѣдительно всего доказываетъ, что въ то время якуты успѣли уже проникнуть до береговъ Ледовитаго океана“ (ссылка на Müller'a, Samml. Russ. geschichte, III ст. 151).

Еще менѣе опредѣленны свѣдѣнія о времени разселенія якутовъ на берегахъ Енисея.

„Всего въ 35 верстахъ отъ Туруханска, въ поселеніи Шорохинѣ, вы очутитесь среди колоніи, которая имѣетъ полнѣйшее право считаться особымъ якутскимъ родомъ, Шорохинскимъ. По общему наружному виду, они преобразились въ русскихъ; это тѣмъ болѣе не удивительно, что половина новыхъ дворовъ была занята чисто русскими поселенцами. Какими судьбами, когда и какимъ путемъ этотъ родъ заброшенъ на самый крайній западный форпостъ, это мнѣ къ сожалѣнію не удалось развѣдать“ (ст. 758). Онъ полагаетъ, что они могли быть посланы сюда, какъ преступники, скорѣе же всего, они явились сюда переселенцами изъ Таймырскаго края, а еще вѣроятнѣе съ „знаменитаго Есейскаго озера, предѣлы ихъ поселеній. Пребываніе ихъ на Амурѣ и ямѣхъ удостовѣрено многими свидѣтельствами. Недавно-же сообщалось объ открытіи чинами земской полиціи въ тайгѣ Баргузинскаго округа цѣлой якутской колоніи, пріютившейся въ долинѣ маленькой рѣчки и сохранившей все особенности своего быта и языка.

¹⁾ Рѣка Омолой впадаетъ въ сѣверный ледовитый океанъ и течетъ параллельно Ямѣ. Что это не Омоловъ (притокъ Колымы),—это видно изъ того, что дальше она названа *Омолосею* (Мид. стр. 764 рус. изд.).

которое нѣкогда поддерживало дѣятельныя сношенія между Виллоемъ, Якутскомъ и самымъ южнымъ Таймырскимъ краемъ. По словамъ Кривошапкина (Енисейскій округъ, 1865 г.) тамъ еще и теперь живутъ якуты“ (стр. 759).

„Изъ Шорохина нужно отправиться за 4 градуса широты къ сѣверу и далеко на востокъ, чтобы за тундрами встрѣтить опять якутовъ, которые тамъ, числомъ около 500 душъ, въ видѣ острова занимаютъ рѣчныя области Хатанги и Анабара“ (тамъ-же, ссылки на Палласа и Георги, опредѣлявшихъ численность этихъ якутовъ къ концу прошлаго вѣка).

„Свѣжо сохранившееся у этихъ глубоко-сѣверныхъ якутовъ преданіе о томъ, что предки ихъ удалились въ эти пустыни издалека отъ притѣсеній...“ (стр. 761).

Въ той-же области, въ районѣ верховьевъ Хатанги и Пясны, вплоть до истоковъ р. Таймыра, кочуютъ нѣсколькими родами долганы. Миддендорфъ считаетъ ихъ „небольшою вѣтвью выселившихся якутовъ“. Время ихъ выселенія съ береговъ Лены относится къ началу XVII вѣка, когда, убѣгая отъ русскаго завоеванія, „якутскія и тунгусскія племена вмѣстѣ двинулись на западъ“ (стр. 690).

Хотя эти инородцы во многомъ напоминаютъ тунгусовъ (образомъ жизни, отчасти одеждой, языкомъ и манерами), но вскорѣ онъ долженъ былъ убѣдиться въ томъ, что это совершенно особое по формѣ лица народное племя, т. е. типъ совершенно отличный отъ всѣхъ остяковъ, юраковъ, самоѣдовъ и тунгусовъ, которыхъ онъ до этого времени имѣлъ случай видѣть и измѣрять, и съ которыхъ, по его распоряженію, снимались портреты. Что это были якуты, въ этомъ нашъ авторъ убѣдился полгода спустя, когда онъ прибылъ въ центры поселенія этого племени, въ якутскій округъ. Языкъ долгановъ, по опредѣленію Кастрена, чисто якутскій языкъ, хотя они легко объясняются и по-тунгусски. Складъ лица описанъ на стр. 689: „скулы выдаются весьма умѣренно; глазное отверстіе

хотя и узко, но не щелкообразно, да и не идетъ вкось, а лежитъ горизонтально. Носъ, въ основаніи своемъ, правда, широкъ, но отнюдь не плосокъ, а, напротивъ, уже въ основаніи своемъ образуетъ острый хребетъ, оканчивающійся длиннымъ, полуразвитымъ орлинымъ носомъ“. Представленный на таблицѣ VI портретъ долганскаго старшины Мани является и по нашему мнѣнію яркимъ изображеніемъ представителя тѣхъ характерныхъ чертъ якутскаго лица, которыя такъ часто встрѣчаются рядомъ съ наиболѣе рѣзкими чертами чисто монгольскаго типа. Какъ ни сбивчивы и противорѣчивы антропологическія опредѣленія Миддендорфа, какъ ни тенденціозна и одностороння его классификація племенъ, но въ тонкомъ чутьѣ его и проницательной наблюдательности мы не можемъ усомниться, когда онъ говоритъ: „у нихъ (т. е. у долгановъ) преобладаетъ именно якутскій типъ и при томъ въ такой сильной степени, что я не счелъ нужнымъ замѣнить лице долгана Мани, служащее типомъ якутскаго лица, другимъ болѣе типичнымъ якутскимъ лицомъ“ (тамъ-же, стр. 698).

Каковы же характерныя черты якутскаго лица?

Мы уже видѣли ихъ въ лицѣ долгана Мани; сущность ихъ составляетъ „преобладаніе (но не выдающееся положеніе) верхнечелюстной части и удлинненная оттого форма лица, въ особенности удлинненный носъ съ рѣзко приподнятымъ къ верху сгибомъ, нѣсколько напоминающимъ орлиный носъ. Въ сравненіи съ двумя другими типами (финскимъ и монгольскимъ, которымъ Миддендорфъ противопоставляетъ типъ тюрко-татарскій или татарско-якутскій, близкій, по его мнѣнію, кавказскому), линия, проведенная черезъ оба внутреннихъ глазныхъ угла, дѣлитъ голову на нижнюю продолговатую и верхнюю короткую половину. Въ слегка выдающихся скулахъ и мало раскрытой глазной щели высказывается на лицѣ Мани незначительная доля монгольской примѣси“ (стр. 631—632).

„Чѣмъ болѣе мнѣ удавалось видѣть якутовъ, — говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, — тѣмъ болѣе оправдывались указанные мною

отличительные признаки. Они оказывались несомненно принадлежностью первоначальных тюрко-татарских якутских лиц и могут быть сведены на то, что жевательное продолжение яремных костей, какъ своею значительною вышиною (слѣдовательно длиною соответствующей части лица), такъ и нѣкоторымъ выступаніемъ впередъ, главнымъ образомъ обусловливаетъ незначительно выдающееся положеніе скуловыхъ костей. Это выступаніе скуловыхъ костей гораздо незначительнѣе и меньше обращено наружу, чѣмъ у настоящихъ монголовъ.

„Благодаря тому, что въ юго-восточной Сибири мнѣ часто случалось разсматривать сравнительно якутовъ рядомъ съ тунгусами, вскорѣ оказалось, что у послѣднихъ сильное выдаваніе скуловыхъ костей обусловливается не столько основою яремной кости, сколько тѣмъ, что самая яремная дуга выступаетъ и отстоитъ далеко отъ основы яремной кости. при чемъ эта яремная дуга, повидимому, часто бываетъ очень тонка. *Первобытное* татарское лицо якутовъ очевидно близко сродно (?) съ формою лица нѣкоторыхъ сѣвероамериканскихъ индѣйскихъ племенъ.

„Но не слѣдуетъ думать, — снѣнить онъ пояснить, — что *первобытное* татарское лицо, такъ рѣзко выдававшееся среди другихъ народностей Таймырскаго края, встрѣчается по всюду у большей части якутовъ. Это можетъ быть бываетъ или бывало преимущественно только въ центрѣ главнаго ихъ пребыванія и у чисто кровныхъ стариннѣ. Въ якутскомъ краѣ, напротивъ того, мнѣ привелось главнымъ образомъ имѣть дѣло какъ разъ съ тѣми якутами, которые находились въ наиболѣе частыхъ сношеніяхъ съ тунгусами“ (Миддендорфъ, Путешест. ч. II, Якуты стр. 765). Отъ послѣднихъ, по мнѣнію нашего автора, якуты заимствовали всѣ тѣ особенности лица, которыя такъ характеризуютъ монгольскій обликъ: „широкія и выдающіяся скулы, большія глазныя впадины, обозначенныя уже высокими дугообразными бровями, тѣмъ болѣе узкая, косо наружу и (по крайней мѣрѣ на видъ) также къ верху